

УДК 930.2: 94 (395. 1)

Ян Хохоровски

СКИФЫ И СРЕДНЯЯ ЕВРОПА – ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЙТЕЛТЕЛЬНОСТИ

Автор знакомит с характерными чертами скифоидных культурных объединений в Средней Европе. Главным признаком скифских влияний на оседлые, земледельческие общества центра Европы были, однако, военные грабительские набеги. Археологически эти события фиксируются находками скифского оружия (главным образом, наконечниками стрел) на территории городищ и скальных убежищ. Представляется историческая интерпретация этих процессов и разбор дискусионных вопросов.

Ключевые слова: кочевники, скифы, Средняя Европа, набеги.

Расселение скифов на рубеже VIII–VII вв. до н.э. в лесостепных и степных зонах Восточной Европы существенным образом изменило этническую, геополитическую и культурную ситуацию в этом регионе, а к западу от него – в центральной части континента стало тем важным фактором, который повлиял на характер исторического процесса. Именно в этот период происходит эскалация явлений, появившихся здесь еще в начале раннежелезного века как эффект политической активизации и военного давления кочевников Великой степи, особенно сообществ, связанных с понтийскими и кавказскими территориями. Первым их признаком было появление в IX в. до н.э. на территории Средней Европы, и прежде всего в Карпатской котловине, оружия и предметов конского снаряжения восточного происхождения, стилистически близких образцам из черногоровской и новочеркасской (кавказской) культурной среды. Вместе с тем в период НаВз = конец IX в. до н.э. / 900 – 810 гг. до н.э. [1. С. 316], в восточной части Карпатской котловины поселенческие структуры позднебронзовых культур Гава (Gáva) и Кыятице (Kujatice) переживают внезапный кризис, особенно глубоко проявившийся на равнинных территориях Большой Венгерской низменности. Заметным становится перемещение поселенческих структур на возвышенности и в высотные ландшафтные зоны, а основываемые здесь поселения (в том числе фортификационные сооружения) имели иногда характер временных убежищ. Вследствие этих процессов на обезлюдивших квазистепных территориях Большой Венгерской низменности (венгерская «пуста») оседают небольшие группы населения, практикующие в погребальном обряде обычай ингумации (могильники типа Мезечат/Mezőcsát) и размещение в могилах больших туш животных (преимущественно крупного рогатого скота и бараньих огузков). Обычай

этого рода совершенно чужды местной среде, которая в погребальном обряде придерживалась традиций, свойственных среднеевропейским культурам урновых полей.

Эти явления можно интерпретировать как результат проникновения мигрирующих с востока на территорию Карпатской котловины¹ небольших групп населения степного происхождения, движущей силой которых были конные воины, использовавшие вооружение и технику верховой езды (в том числе способы взнуздывания коней), типичные для пастушеских сообществ Восточной Европы [2. С. 267–272]. Зоной активности групп степняков, искавших благоприятную для жизнедеятельности экологическую нишу, были, прежде всего, подходящие для выпаса квазистепные территории – «пусты». Естественно, это привело к вытеснению местного населения либо частичной ассимиляции автохтонов². Сопутствовали данному процессу, конечно же, эпизоды военного характера, а в дальнейшей перспективе кризис местных поселенческих структур и отступление населения в менее доступные высотные ландшафтные зоны. Поселение кочевников способствовало открытию на равнинах в бассейне Тисы коневодства и распространению роли коня (как военной, так и хозяйственной)³, а в итоге – способов взнуздывания и форм удила, применяемых пришельцами.

¹ Пути этих миграций очень сложно уловить. На мой взгляд, наиболее вероятен путь, следующий вдоль Дуная либо через Трансильванию.

² Характерно, что керамический инвентарь, известный из комплексов типа Мезечат, имеет синкретический характер и связан, в частности, с местными традициями (преимущественно гавскими и кыятицкими).

³ В формирующемся с этого времени на территориях бассейна р. Тисы (Альфёльд) центре коневодства разводились породы, происходящие от тарпана [3. С. 227–239]. См. также примечания по теме в [4. С. 161–218].

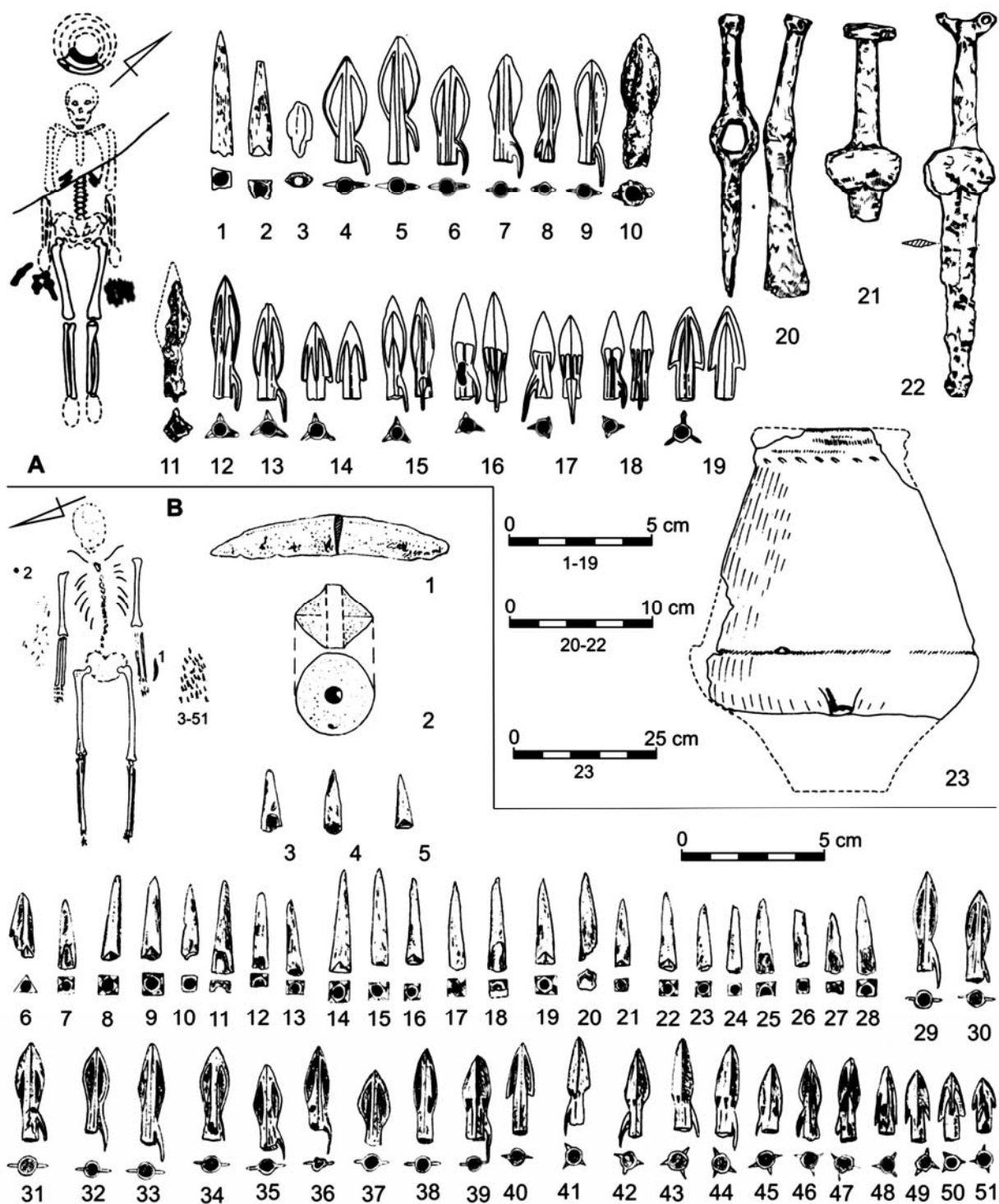

Рис. 1. Комплексы с колчанными наборами семиградской (трансильванской) группы:
 А – Кристешти (Cristești), погребение 9 (по А. Zrinyi); В – Меришелу (Mărișelu), погребение 1 (по G. Marinescu)

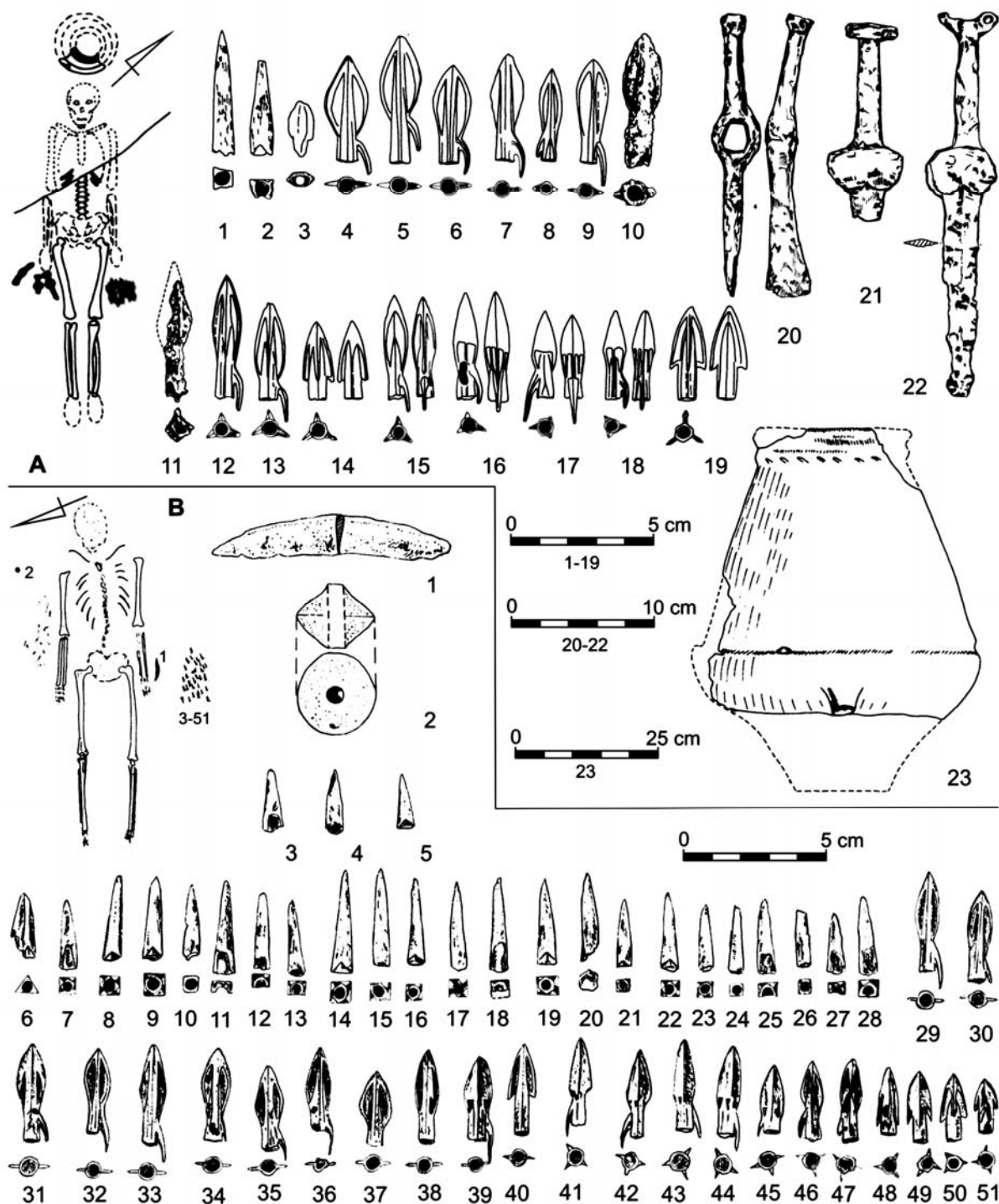

Рис. 2. Инвентарь кургана 2 у села Перебыковцы. Западноподольская группа памятников (по Г.И. Смирновой)

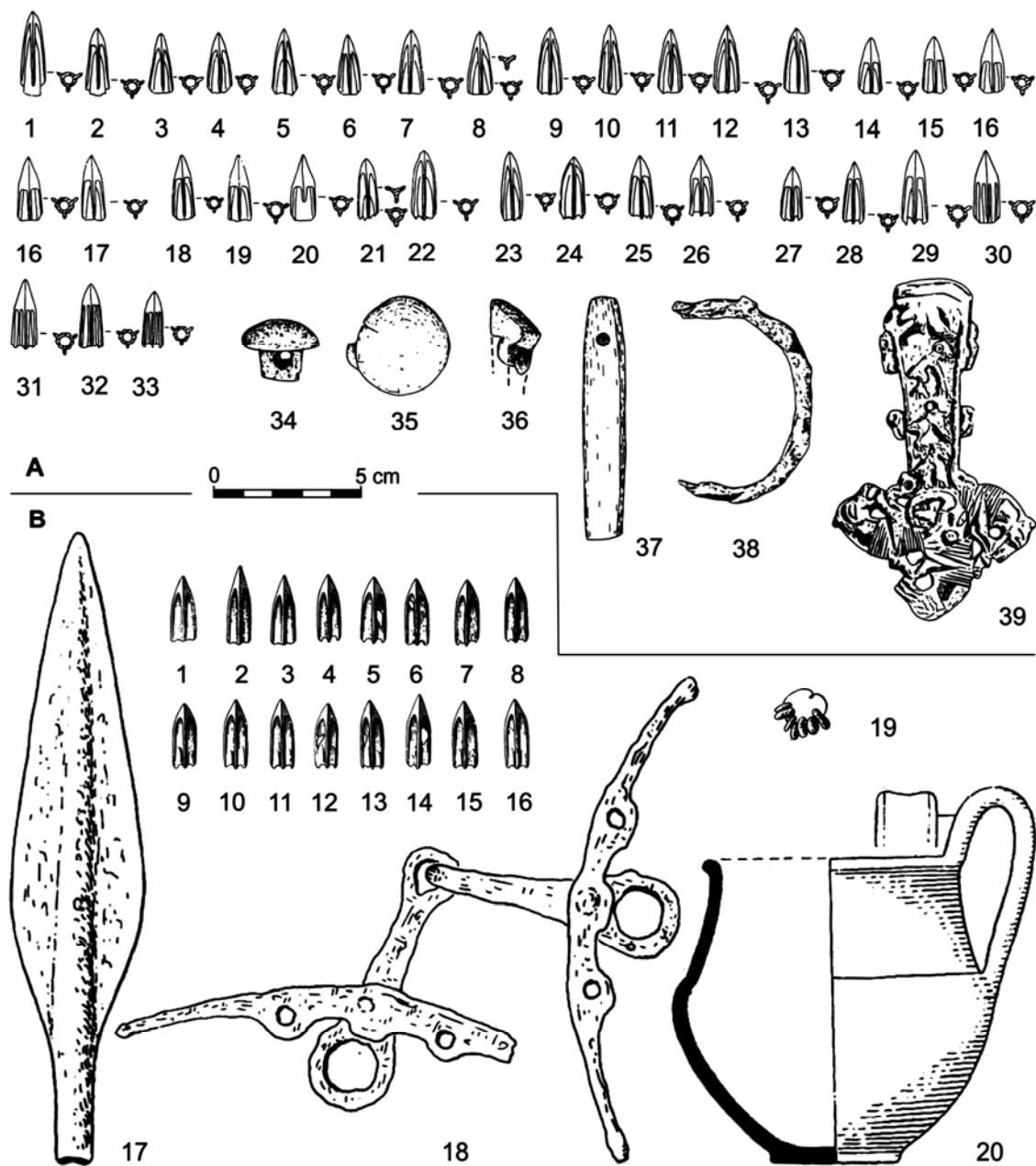

Рис. 3. Комплексы с колчанными наборами из захоронений с ингумацией культуры Векерзуг (Vekerzug): *A* – Матраселье (Mátraszele) погребение 1/1928 г. (по В. Domuay); *B* – Хотин (Chotín), могильник I-A, погребение 120 (по М. Dušek)

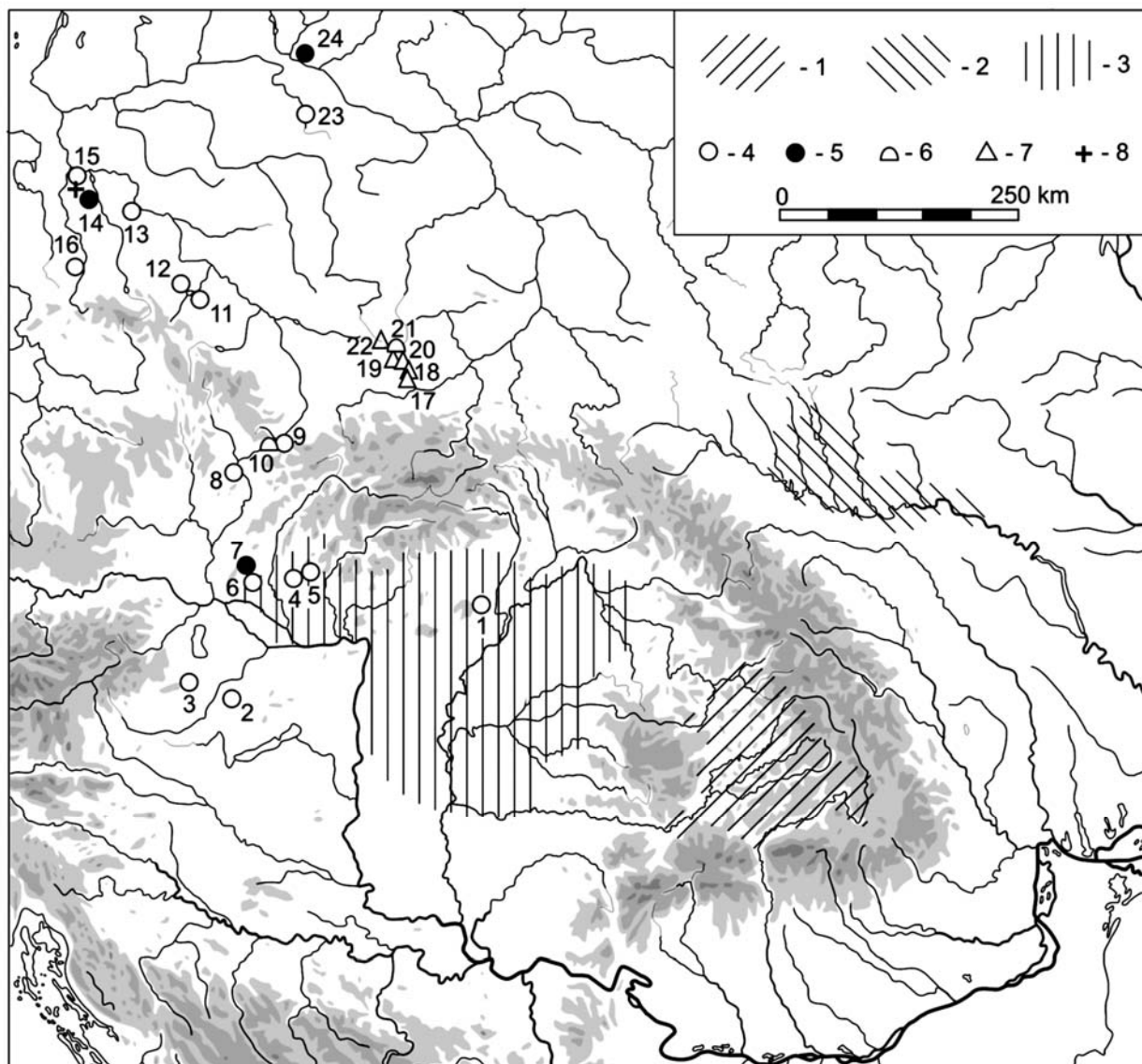

Рис. 4. Ареал распространения скифоидных культурных объединений (группировок ?) и находок скифских наконечников стрел позднего пласта (фазы ?) 3-го этапа раннескифской культуры на территории Средней Европы

1 – территория семиградской (трансильванской) группы; 2 – территория западноподольской группы; 3 – территория культуры Векерзуг (альфельдской); 4 – находки скифских наконечников на территории оборонительных поселений; 5 – находки скифских наконечников на территории оборонительных поселений, разрушенных полностью агрессорами (захватчиками ?), пользующихся вооружением скифского типа; 6 – пещерные убежища, у которых были обнаружены наконечники стрел скифского типа; 7 – скальные убежища, у которых были обнаружены наконечники стрел скифского типа; 8 – Виташково (Witaszkowo).

Список стоянок: 1 – Биксентлясь-Нодышанц (Bükkszentlászló-Nagysánc); 2 – Цельдемельк-Шагхедь (Celldömölk-Sághegy); 3 – Велем-Сентвидхедь (Velem-Szentvidhegy); 4 – Штитаре-Жиблица (Štitáre-Žibrica); 5 – Вельки Лысек (Velký Lysek); 6 – Тльста хора (Tlstá hora); 7 – Смоленице-Мольпир (Smolenice-Molpír); 8 – Кжениовице (Křenovice); 9 – Штрамберк-Котоуч (Štramberk-Kotouč); 10 – Штрамберк-Котоуч-Чертова дора (Štramberk-Kotouč-Čertova díra); 11 – Собутка-Гура Сьленжа (Sobótka-Góra Słęża); 12 – Счегом-Браитенберг (Strzegom-Breitenberg); 13 – Каргова (Kargowa); 14 – Вицина (Wicina); 15 – Польяновице (Polanowice); 16 – Герлиц-Льандескроне (Görlitz-Landeskrone); 17 – Ойцув-Гура Коронна (Ojców-Góra Koronna); 18 – Ойцув-Замок (Ojców-Zamek); 19 – Подзамче-Гура Бирув (Podzamcze-Góra Birów); 20 – Счегова-Бисьник (Strzegowa-Bisnik); 21 – Пиасечно-Окенник (Piaseczno-Okiennik); 22 – Жендковиче-Окенник (Rzędkowice-Okiennik); 23 – Крушвица-Острув Жемповски (Kruszwica-Ostrów Rzepowski); 24 – Чарнув-Каменец (Czarnów-Kamieniec).

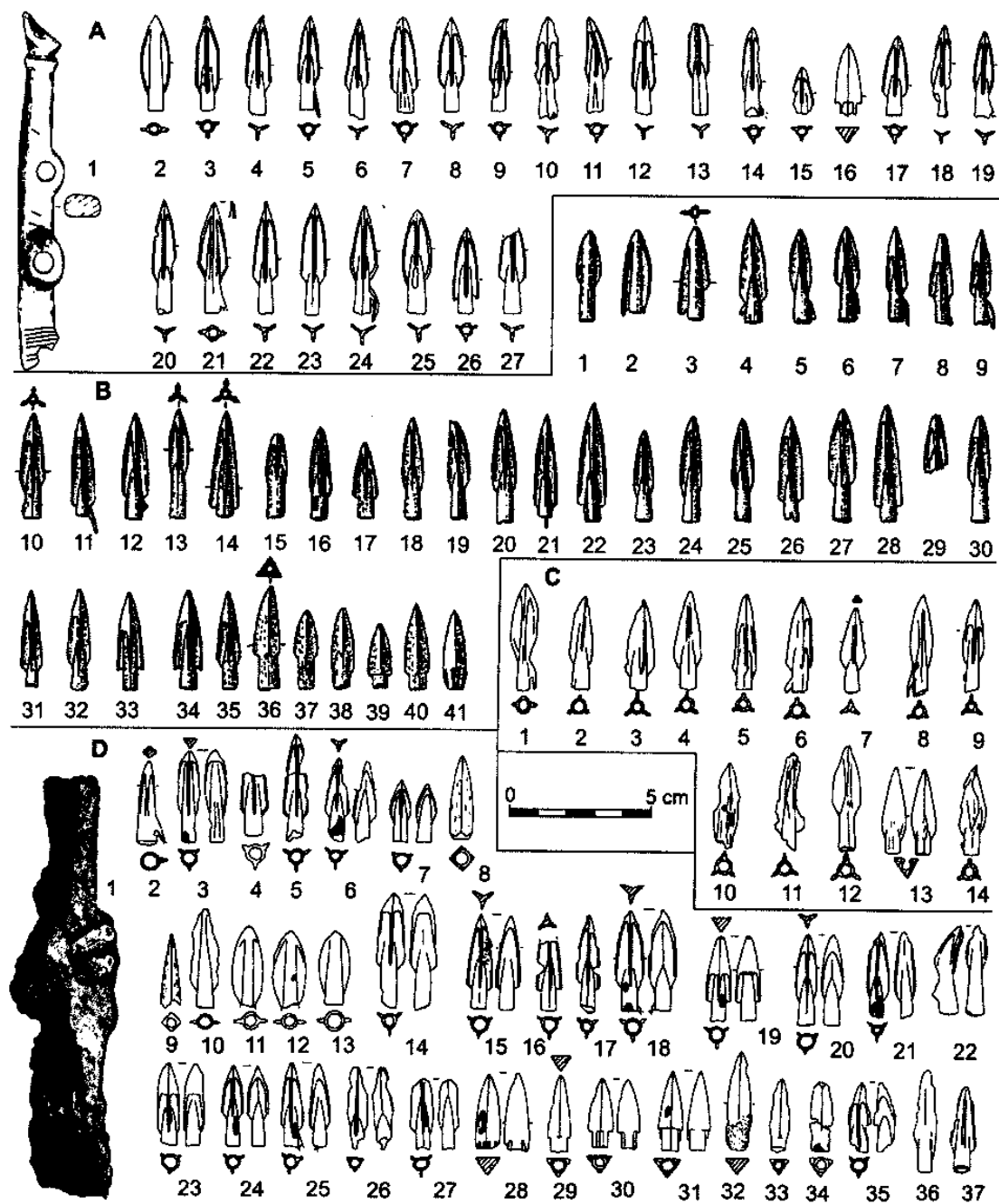

Рис. 5. Находки скифского типа из территории разрушенных захватчиками оборонительных поселений: А – Цельдемельк-Шагхель (Celldömölk-Sághegy); В – Смоленице-Мольпир (Smolenice-Molpír), ворота III; С – Счегом-Браитенберг (Strzegom-Breitenberg); D – Вицина (Wicina)

С точки зрения общей оценки исторического процесса обсуждаемые явления определяют один из ключевых моментов в цивилизационном развитии оседлых сообществ Средней Европы. Приход степняков-номадов открыл продолжительный, восходящий к историческому времени, период их

конфронтации со сформировавшимися на территории Великой степи пастушьями сообществами, с их специфическим образом жизни и ведением хозяйства (отличающимся от строго стационарной земледельческо-скотоводческой системы), а также иной моделью социокультурного поведения. В

силу географического соседства и его особенных экологических условий (выдвинутый глубоко на запад анклав степи в Карпатской котловине; удобные пути сообщения вдоль Дуная и вдоль Днестра и через карпатские перевалы; обширные пространства с богатым травяным покровом, относящиеся к Понтийско-Паннонской геоботанической провинции и т.д.) эта конфронтация зачастую принимала драматический характер, что ярко проявилось в историческое время в череде экспансивных действий таких народов, как монголы, мадьяры, авары, гунны, сарматы/языги, для которых целью была Карпатская котловина. По отношению к протоисторическому периоду, с которым связаны обсуждаемые вопросы, ввиду недостатка исторических источников, касающихся этого региона и его истории, оценка этих процессов вызывает глубокие разногласия и порождает методологические дилеммы. Одним словом, дискуссия касается тезиса, объясняющего характер проникновения культурных элементов восточного происхождения на территорию Средней Европы. Часть исследователей усматривает в них признаки миграции населения и физического присутствия кочевников, другие же – проявление культурного трансфера, вписывающегося в диалог культур с иной моделью цивилизационного поведения. Очевидная анонимность археологических источников в этой области не может стать, однако, препятствием в поисках диагноза, содержащего историческую (не значит фактографическую) оценку этих процессов. Может, стоит задуматься, в чем суть перехода от археологических фактов к истолкованию роли инокультурных элементов в том потоке событий и социокультурных поведений, которые отображают специфику исторического процесса на пограничье Средней и Восточной Европы.

Существенный этап включения Средней Европы, и особенно Карпатской котловины, в орбиту явлений, первоисточником которых является активность кочевников Великой степи, наступает в момент притока на лесостепные и степные территории Восточной Европы сообществ скифской культуры. Продолжительный и сложный процесс образования «Европейской Скифии» является, несомненно, отправной точкой для культурных явлений, простирающихся далеко на запад, вплоть до бассейна р. Одры/Odry. Уже в начале VII, возможно, на рубеже VIII–VII вв. до н.э. [5. С. 479–480] или немного позже – около середины VII в. до н.э. [6. С. 243–256]¹ – на территории Трансиль-

вании появляются могильники с захоронениями с ингумацией (в вытянутом положении), как правило, в простых ямах [7. Табл. 2–3], оснащенные набором вооружения, типичным для скифских воинов: колчанами со стрелами с характерными формами наконечников, кинжалами типа акинак, копьями с железными наконечниками, железными топорами и, реже, с металлическими частями конской узды. Характерным атрибутом женских погребений являются зеркала, как с центральной ручкой («сибирского» типа), так и с боковой (в том числе зооморфной), типичной для греко-скифского «ольвийского» стиля. Специфической чертой инвентаря новой культурной группировки (называемой трансильванской группой) являются также бронзовые украшения колчанов в форме креста и бронзовые шумящие наперстки, увенчанные фигурками животных.

Появление трансильванской группы, скорее всего, было связано со временем прихода скифов на Северный Кавказ и с формированием в первой половине VII в. до н.э. скифских группировок в лесостепной зоне Среднего Поднепровья как результат устремленного на запад поиска скифскими кочевниками экологических ниш в окружении степного пояса. Трансильвания с её специфичной естественной средой и сравнительно небольшим потенциалом местного населения представляла, несомненно, благоприятное для мигрирующих вдоль степной полосы пастушеских сообществ («орд») место. Анализ хронологии находок трансильванской группы указывает на то, что центр тяжести ее развития приходится на VII и первую половину VI в. до н.э. На протяжении второй половины названного века ее потенциал определенно уменьшается, под воздействием окружения усиливаются процессы аккультурации, вплоть до «беспотомственного» исчезновения группы в конце VI в. до н.э. До появления кельтов в IV в. до н.э. на территории Трансильвании образуется поселенческая пустота.

Может быть, чуть позже трансильванской группы, но также на протяжении VII в. до н.э.² на пограничье Средней и Восточной Европы в среднем и верхнем течении Днестра формируется очередная группировка с чертами скифской культуры, так называемая западноподольская группа [9; 10. С. 454–465]. С точки зрения особенностей ма-

ми наконечниками новочеркасского типа с ромбической головкой, который можно датировать рубежом VIII–VII в. до н.э. [5. С. 479–480].

² Древнейшие «скифские» комплексы на этой территории, как, например, Ленковцы, относятся к концу II этапа раннескифской культуры и датируются периодом между второй четвертью и серединой VII в. до н.э. [12. С. 108].

¹ К древнейшим комплексам трансильванской группы относится инвентарь могилы № 2 из Теюш/Teiuș [8. с. 28–32, рис. 4/ 7] с железны-

териальной культуры она проявляет большое сходство с трансильванской группой, но отличается наличием поселений с жилищами полуземляночного типа [11. Рис. 2], особенными формами обряда погребения, в котором наряду с ингумацией (захоронениями как в вытянутом, так и в скорченном положении) применялось трупосожжение. Отличается также могильная архитектура, характерным элементом которой – наряду с каменно-земляными курганами – являются деревянные погребальные камеры, возведенные в неглубоких ямах либо на уровне материка. В погребальном инвентаре отчётливо выделяются комплексы с вооружением скифского типа. Эта группировка имеет определенно синкретический характер. В ее становлении сыграли роль как местный субстрат (позднеолиградский и позднечернолесский) [10. С. 451. Рис. 1], подвергшийся аккультурации, так и сформировавшиеся в лесостепной зоне группы скифской культуры. Скифы были, несомненно, доминирующей стратой в обществе [9. С. 29], причем, согласно Г.И. Смирновой [10. С. 460], пришельцами были, как правило, мужчины-воины. Западноподольская группа исчезает в первой половине VI в. до н.э., тоже не оставив на занимаемых территориях никакого «цивилизационного наследства».

Завершением процессов формирования в Карпатской котловине культурных группировок с участием скифского фактора является развитие на Венгерской низменности культуры Векерзуг/Vekerzug. Её древнейшие комплексы появляются в северо-восточной части этого региона примерно на рубеже VII–VI в. до н.э., со временем охватывают весь Альфельд (Alföld), а также территорию Дунайской низменности у слияния рек Нитра/Nitra, Грон/Hron, Ваг/Vag вплоть до Дуная. Группировка представлена большими биритуальными могильниками (насчитывают до 500 могил) с преобладанием захоронений по обряду ингумации (чаще всего в вытянутом положении) над трупосожжением [13. Карта 6]. Особенностью является присутствие отдельных конских погребений, а также в исключительных случаях могил коней с телегами (Сентеш-Векерзуг / Szentés-Vekerzug) [14]. Они отражают такую существенную черту хозяйства, как развитое коневодство – разведение пород, происходящих от тарпана [15]. Состав элементов скифского типа схож с тем, который наблюдается в трансильванской группе, и особенно западноподольской. Тем не менее встречается немало подражаний, отличающихся от скифских прототипов как по форме, так и по стилистике отделки (например, однолезвийные кинжалы, фор-

мой рукояти схожие с типом «акинак»; украшения колчанов в форме креста с деградированным зооморфным орнаментом и т.д.). В общем, количественный состав элементов скифского типа здесь относительно невелик, причем в большинстве они являются атрибутами богаче оснащенных могильных комплексов (знати?). Особенностью является, как и в западноподольской группе, наличие серой кружальной керамики, выполненной по технологии, применяемой в Ольвии, причем ее доля составляла приблизительно 1/3 всего керамического инвентаря.

Процесс складывания культуры Векерзуг проходил, кажется, без участия импульсов, исходящих непосредственно из причерноморской зоны. Отправной точкой была в этом случае активность населения западноподольской группы, миграция которого в Карпатскую котловину привела в движение механизмы формирования нового синкретического явления. Существенную роль сыграло, несомненно, и население трансильванской группы, чуть дольше удержавшее своё культурное самосознание, на что указывают его структуры, сохранившиеся до второй половины VI в. до н.э. Важную роль в формировании демографического потенциала культуры Векерзуг сыграла также местная этническая основа, связанная с посткыятицкими и постгавскими группировками из северо-восточной части окраин Большой Венгерской низменности, и с могильниками типа Мезечат/Mezőcsát из Альфельда. По всей вероятности, интенсивными были связи со средой «изготовителей» кружальной керамики из Ольвии или ее окрестностей. Высокий уровень золотого ювелирного искусства, наличие большого количества бус из стекла и стеклянной пасты, многочисленные ракушки каури в ожерельях [13. С. 51–56] свидетельствуют о постоянных экономических связях между этими сообществами. С группировками, заселяющими территорию Альфельда, в особенности его южную часть, можно отождествлять упоминаемых Геродотом в «Истории» (V; 9) в «области за Истром», т.е. к северу от Дуная, сигиннов. Их этнографическая характеристика, изложенная в упоминаемом повествовании, поразительно схожа с картиной культуры Векерзуг из этого региона, основанной на археологических источниках [4. С. 182–197]. Сообщества культуры Векерзуг, имевшие с окружением (особенно с юго-восточными галыштатскими группировками) интенсивные экономические и общественно-политические связи, стали существенным фактором динамики культурных процессов в Средней Европе в период HaD₃ и LtA (VI–V в. до н.э.) [16. С. 247–254; 17.

С. 511–560]. Их независимое развитие было прервано на рубеже V–IV вв. до н.э. экспансией кельтов на восток.

Наиболее выразительным аккордом скифской экспансии в Среднюю Европу является, однако, волна военного проникновения кочевников, называемая в литературе «скифскими набегами» [18. С. 49–64]. Оценка именно этого явления порождает среди исследователей наибольшие разногласия и дискуссии, вызывая крайние мнения от трактовки их в качестве реального исторического эпизода до признания «научным мифом» и процессом, который можно объяснить в категориях «культурного трансфера». На мой взгляд, проблема находится не в фактографической, а именно интерпретационной сфере. Находки, легшие в основу концепции о военном проникновении скифов на северо-запад от Карпатской котловины, обнаружены в зоне, простирающейся от Трансданубии (Задунавья) через Малые Карпаты, Моравию, Моравские Ворота и далее вдоль Одры через левобережную часть Силезии вплоть до Нижних Лужиц, а также к северу – вдоль Краковско-Ченстоховской возвышенности до Куявии и Хелминской земли [18. С. 49–51. Рис. 1]. Это, прежде всего, предметы вооружения скифского типа (преимущественно наконечники стрел)¹, обнаруженные на территории городищ, а также пещерных убежищ, используемых местным населением в периоды военной опасности. Эти наконечники торчали иногда во внешних склонах валов (например, Стжегом/Strzegom) [19. С. 19] или же в оборонительных стенах городищ (например, в щелях между камнями) со следами завоевания и разрушения (сожжения) (Смоленице/Smolenice) [20. С. 42]. В случае сильно укрепленного, в частности каменными стенами, так называемого «акрополя» гальштатского городища в Смоленицах, концентрация наконечников наблюдалась вблизи ворот и среди реликтов боевой площадки для защитников, в зоне удобного доступа к линии оборонительных укреплений [20. С. 42. Рис. 11]. Это были места, подверженные особенно интенсивному обстрелу нападающих, которые стремились нейтрализовать и прорвать наиболее горячие точки оборонительной системы. Наконечники стрел встречаются также на площади городищ и в развалинах сожженных домов (Смоленице) [21. Табл. 9, 10 и след.]; (Ка-

менец/Kamieniec) [22. С. 124; 23. С. 158]². Наконечники, обнаруженные в пещерных убежищах (например, Жендковице/Rzędkowice) [24. С. 88. Рис. 9/ a–b] и в разрушенных поселениях на скалистых возвышенностях (например, Шагхедь/Sághegy) [16. Рис. 3/ 4, 9, 11, 21], а также в руинах каменных сооружений (Смоленице) [25, Табл. 5/ 20; 6/ 15 и др.] часто согнуты от ударов в скалу. Иногда на территории городищ обнаруживаются скелеты людей (например, Смоленице) [21. С. 35, 59; 20, С. 43]; (Вицина/Wicina) [25. С. 6–7] в контексте, указывающем на то, что застигнутые врасплох жители стали жертвами разыгравшейся трагедии. Их останки найдены близ домашней печи либо очага (Смоленице) [20. С. 42–43], (Каменец) [22. С. 124], где смерть настигла людей во время повседневных дел. В одном из городищ в местности Каменец на Висле [23. С. 158] под остатками сожженных ворот, в которых застряли наконечники стрел скифского типа, найдены скелеты людей и коней. Два человеческих скелета обнаружены также в воротах III, ведущих к «акрополю» городища в Смоленицах [21. С. 69; 20. С. 42, прим. 3].

Примером объекта, подвергшегося нападению и разрушенного агрессорами со скифским вооружением, является городище в Вицине в Нижних Лужицах, расположенное, кстати, недалеко от знаменитого Виташкова/Witaszkowo (раньше Vetersfelde) [28]. О значении этой находки говорит выразительный характер зафиксированных на памятнике археологических фактов [26. С. 5–10]. Это дает возможность довольно точного воссоздания драматической картины захвата и разрушения городища нападающими. Остатки пожарищ, обнаруженные по всей исследуемой площади, свидетельствуют о том, что укрепления и постройки городища полностью сгорели и впоследствии уже не восстанавливались. В слое пожарищ открыты порою сильно обожженные скелеты жителей. В одном случае скелет 25–30-летней женщины прикрывал скелет ребенка 6–7 лет. Судя по положению останков, женщина старалась заслонить ребенка или укрыть его в яме для хранения припасов, которая была чем-то вроде погреба³. На небольшом расстоянии от этого места найден скелет женщины 25–30 лет, также, вероятно, пытавшейся укрыться в погребе. Останки других погибших людей разного возраста обнаружены еще в не-

¹ В некоторых случаях это многочисленные серии находок, например, в Смоленицах почти 400 экземпляров [20. С. 41], а в Вицине почти 150 экземпляров [27. С. 280], исключая маловажный в познавательном смысле характер утверждаемых в их контексте тезисов.

² В Смоленицах не было их только в трёх из исследованных здесь 24 домов.

³ Скелеты взрослого человека и ребенка, лежащие перед разрушенной печью под бревнами сожженного дома (дом № 7), открыты также в Смоленицах [21. С. 35; 20. С. 42–43].

скольких местах. Состояние останков указывает на то, что люди, по всей вероятности, стали жертвами жестокой резни. В одном из домов, в зерновой яме, заполненной желудями, был открыт клад из бронзовых и железных предметов (главным образом браслетов). Они были второпях зарыты среди желудей и прикрыты посудой. Поблизости найдены еще два браслета, потерянные, по-видимому, в спешке. Атмосферу этих событий прекрасно характеризует также находка, обнаруженная на оборонительном валу, – скифский железный боевой топор, в проухе которого рядом с остатками древесины торчали два бронзовых скифских наконечника. Вероятнее всего, в пылу боя они использовались в качестве клиньев для фиксации расшатанного топорика¹.

Нападение, видимо, было внезапным, хотя полный состав украшений и металлические средства крепления наряда, найденные при скелетах (в частности, булавки и фибулы, застегивающие верхнюю одежду), свидетельствуют, что атака состоялась днем. Нападающие продвигались очень быстро, судя по тому, что жители не успели организовать оборону или скрыться в безопасном месте, хотя из городища прекрасно просматривалась просторная равнинная местность. Наполненные до краев хлебом и желудями зерновые ямы домов указывают, что трагедия разыгралась ранней осенью после уборки хлебов и сразу после сбора желудей – корма домашних животных. Городище после этих событий уже не отстраивалось, а традиция поселения в этой местности прервалась. По всей вероятности, немногим жителям удалось спастись, тех же, кто не был убит, наверное, увели в плен². Во всяком случае, никто не вернулся захоронить лежащих среди пожарищ убитых земляков. Густая сеть связанных с городищем поселений (в его непосредственном окружении обнаружено около 20 одновременных памятников), на обширной территории между реками Бубр/Bóbr и Ныса Лужицка/Nysa Łużycka, прекращает свое существование. Симптомы поселенческого и, по-видимому, демографического кризиса заметны, впрочем, и на территории, расположенной в зоне миграций вдоль левобережья Одры. Лучшим при-

мером является резкое падение в фазе NaD_2 – NaD_3 поселенческого потенциала на урожайных землях Верхней Силезии, расположенных непосредственно к северу от Моравских Ворот, где в более ранний период существовали развитые поселенческие структуры [29. Рис. 16; 30. Карты 6, 7]. С этого момента, определенно, снижается интенсивность сверхдалних торговых контактов на так называемом янтарном пути, идущем через Моравские Ворота и соединяющем юг Европы (восточно-альпийские территории, Италию) с «янтароносными» берегами Балтийского моря [31].

Хронологию обсуждаемых событий определяет, с одной стороны, датировка комплексов наконечников скифского типа из разрушенных городищ и пещерных убежищ. В их состав входят втульчатые наконечники с четким перевесом трехлопастных форм над двулопастными при наличии немногочисленных наконечников с трехгранной головкой. В преобладающем большинстве это наконечники без шипов. Встречаются также четырехгранные костяные наконечники. Типологический состав отдельных комплексов похож, но не однороден. В целом анализируемые комплексы относятся к I хронологической группе, по А.И. Мелюковой, хотя немало и тех, которые относятся ко II группе [32. Табл. 6–7]. По составу колчаные наборы находят ближайшие аналоги в комплексах, обнаруженных в гробнице № 2 кургана Репяховатая Могила с правобережной части Среднего Поднепровья [33. С. 43–45. Рис. 14], которые причисляются С.В. Полиным [34. С. 26] к самым молодым комплексам так называемого «келермесского типа» (старшежуровской группы) и датируются второй половиной VII – началом VI в. до н.э. Некоторые формы относятся к экземплярам, известным из захоронений ольвийского некрополя, датированным первой половиной VI в. до н.э. [34. Рис. 8]. В контексте причерноморских находок их датировка позднее первой четверти VI в. до н.э. кажется мало вероятной [34. С. 31]. В Карпатской котловине и ее ближайшем окружении наборы наконечников с такими формами известны, прежде всего, из оснащения могил трансильванской и западноподольской групп [18. С. 58; 25. С. 29–134].

С другой стороны, основой датировки скифского проникновения является хронология местных (среднеевропейских) материалов, открытых на территории разрушенных и больше никогда не отстраиваемых городищ. На городище в Смоленицах эти находки включают, главным образом, материалы типа NaC_2 (например, лодкообразные фибулы) и формы, характерные для фазы NaD_1 (на-

¹ Находка топора – элемента вооружения из личного снаряжения скифских воинов, брошенного среди пожарищ укрепительного сооружения, свидетельствует, что жертвами сражения были также захватчики. Маловероятно, что владелец топора бросил его добровольно (если чинил его прежде при помощи клиньев) и не вернулся за потерянным в пылу битвы оружием, если остался жив.

² Я не исключаю версии, что поводом грабительских набегов могло быть желание добыть рабов, продаваемых впоследствии в греческие причерноморские колонии при посредничестве сети торговых связей, поддерживаемых населением культуры Вежерзуг с северо-западными центрами побережья Черного моря (преимущественно с Ольвией).

пример, змееобразные фибулы) [35. С. 164–169]. Это означает, что городище в Смоленицах прекратило свое существование в конце VII либо приблизительно на рубеже VII–VI вв. до н.э. [1. С. 317–318; 25. С. 154]. Вторым относительно хорошо исследованным объектом с количественно важной и характерной коллекцией средневропейских материалов является Вицина, расположенная у противоположной Смоленицам точки в рамках зоны скифских набегов. В этом случае окончание существования городища определяется наличием фибул из так называемой группы «Fusszierfibeln», то есть формы с «фигурной ножкой». По нынешней датировке фазы HaD₃ (570/560–520/510 до н.э.) [1. С. 318–319] хронологическое положение фибул группы «Fusszierfibeln», относящихся к «типу Вიცина», определяется второй половиной VI в. до н.э., без его последних десятилетий [36. С. 51]. Появились они в составе двух кладов, зарытых, вероятно, в связи с нападением скифских агрессоров, а также возле скелета женщины, заслонившей своим телом ребенка, которая, без сомнения, погибла от руки захватчика либо в результате устроенного захватчиками пожара. Непосредственную связь этих находок с моментом захвата и разрушения городища воинами с оружием скифского типа отрицать невозможно. Однако это означало бы, что характерные для поздней фазы ранне-скифской культуры комплексы наконечников стрел «келермесского типа», которые в Причерноморье не следует датировать позднее первой четверти VI в. до н.э. [34. С. 31. Рис. 1/ 5], на самом деле были в употреблении, может быть, почти до конца этого столетия – 520/510 гг. до н.э. (?). Такая датировка эпизода, результатом которого было уничтожение населения в районе Вიცины, подтверждается также хронологией комплекса из Виташкова, традиционно устанавливаемая на «около 500 г. до н.э.» [37. С. 197–198; 38. С. 133], порой даже на первую четверть V в. до н.э. [39. С. 46–47]. Следует добавить, что трактовка комплекса из Виташкова как захваченной у убитого наездника и спрятанной в районе военной разлухи добычи (на территории поселения местных жителей) [40. С. 210] с точки зрения состояния входящих в его состав предметов (небрежно оторванных от основания щита (?) и с боевого кафтана) [37. С. 203–204] является довольно убедительной.

Таким образом, диапазон датирования хорошо документированных случаев уничтожения средне-европейских оборонительных поселений захватчиками, использовавшими скифское вооружение, охватывает около ста лет: конец VII, рубеж VII–VI, – конец VI в. до н.э. Это было время, когда по-

сле фазы сосуществования в первой половине VI в. до н.э. [34. С. 31] наборы стрел с наконечниками «келермесского типа» на территории Восточной Европы в принципе вышли из обихода, на смену им пришли наборы с массивными «базистыми» опорновтульчатыми наконечниками. Предположение, что причерноморские территории могли быть исходным пунктом для военных набегов захватчиков со скифским оружием, следует, пожалуй, почти исключить. Здесь главным образом принимаются во внимание популяции трансильванской группы [41. С. 90–91]¹, относительно изолированные от окружения (взять хоть бы отсутствие кружалной керамики) и проявляющие более сильный консерватизм. Вероятно, в этой среде дольше сохранялись старые типы наконечников в колчаных наборах, не поддаваясь новым, свойственным восточноевропейским кочевникам, тенденциям изменений наступательного оружия, вызванных, в частности, введением более эффективного защитного вооружения – доспехов и т.д. Нельзя исключить также участия в этих событиях «воинских контингентов», рекрутировавшихся из среды западноподольской группы, исчезновение которой можно объяснить только и исключительно миграцией ее населения в Карпатскую котловину. Более поздняя датировка эпизода уничтожения городища в Вიცине, в сравнении со Смоленицами, расположенными по соседству с возможным исходным пунктом экспансии кочевников, может быть связана с постепенным расширением зоны их военных действий [18. С. 58–61].

Движущей силой грабительских набегов была, несомненно, активность знати с ментальностью, типичной для скифской кочевнической модели культурного поведения. В этом контексте стоит обратить внимание на существование прямых связей между военной знатью западноподольской

¹ Кроме того, все еще нельзя до конца исключить внешний импульс, исходящий из скифской среды причерноморской зоны [42. С. 472]. Однако отождествление захватчиков только и исключительно с популяциями трансильванской группы [41. С. 91] – слишком одностороннее. Активность группировок скифской культуры с пограничья Средней и Восточной Европы имела в ту пору более широкий характер, о чем свидетельствует исчезновение в первой половине VI в. до н.э. западноподольской группы. Кстати, следует притом заметить, что автор этого высказывания, вступившая в полемику с выдвигаемыми мною тезисами по части так называемого киммерийского давления на территории Средней Европы [41. С. 88–89], к сожалению, надлежащим образом не ознакомилась с опубликованным мною трудом [2]. Я никогда не связывал могильник Стойканы/Stoicani с культурой Мезечат (впрочем, это было бы чем-то иррациональным с территориальной точки зрения), мною указывалось лишь сходство керамического инвентаря из Стойкан и Мезечат. К тому же я никогда не связывал агафирсов с Трансильванией, так как, в отличие от румынских исследователей [7; 43. С. 473–480], я определенно являюсь сторонником размещения этого «народа» снаружи дуги Карпат, в ближайшем соседстве со Скифией, чему в свое время я посвятил отдельный труд [44. С. 139–173].

группы и средой культуры Векерзуг. Фиксируются связи, например, находками из кургана 2 в Перемышляках, где среди богатого набора оснащения воина, наряду с остатками двух скифских колчанов (со 133 и 80 наконечниками стрел), был обнаружен также трензель типа Векерзуг [42. С. 41–51. Рис. 5, 10]. Датировка этого комплекса концом III этапа раннескифской культуры (первая четверть VI в. до н.э.) [12. С. 116] внушает мысль, что он может восприниматься как своеобразный временной репер активности военной знати западно-подольской группы, устремлявшейся в сторону Венгерской низменности. Присутствие знати в среде культуры Векерзуг с чертами субкультуры, несущей сильный отпечаток скифской модели культурного поведения, демонстрирует хотя бы «княжеский» могильный комплекс из Артан-д/Ártánd [46]. Наряду с железным боевым топором и трензелем типа Векерзуг он содержит фрагменты чешуйчатого доспеха – распространенной у скифов формы, но неизвестной в Средней Европе¹. Хронологически он также связан с периодом заметного появления в среде со скифскими культурными чертами в Карпатской котловине знати, подчеркивающей своим поведением высокий престиж архетипа воина. Существование знати подтверждают находки украшений щита (?) из золота и электрона в виде стилизованных изображений оленей из Тапиосентмартон/Тápiószentmárton [47. С. 312–318] и Мезекекестеш-Зельдхальомпуста/Mezőkeresztes-Zöldhalompusztá [48], представляющих символическую, тесно связанную с основными знаками («тотемами») скифского культурного самосознания [49. С. 84]. Комплекс из Виташкова, вписывающийся по территориальным признакам в горизонт скифских находок из Нижних Луиц, также подчеркивает существенную роль этой знати в военных действиях подобного масштаба. Даже если стимулом для так называемых «скифских набегов» на территорию Средней Европы не были импульсы, порождаемые непосредственно динамикой общественно-политических процессов в причерноморской зоне, то вполне возможно, что они вызваны активностью знати с менталитетом, берущим начало в скифских (кочевнических) нормах культурного поведения. Знать, по всей вероятности, была движущей силой в организации «орд» воинов, то и дело совершавших на протяжении, по крайней мере, нескольких десятилетий VI в. до н.э. грабительские походы всё дальше вглубь Средней Ев-

ропы. Характер археологической картины этих событий однозначно указывает, что целью был не захват территорий, а именно добыча, приносящая экономическую выгоду. В данном контексте впечатляют прекрасные знания информаторов Геродота (вероятнее всего, жителей Ольвии) о культурных чертах сигиннов², единственной так хорошо описанной в «Истории» (V; 9) народности из «области за Истром», т.е. к северу от Дуная. Население культуры Векерзуг, занимавшее территорию бассейна Тисы, было единственной этнической средой в этом регионе Европы, которую можно считать потенциальным партнером в возможных «торговых» связях, поддерживаемых в VI–V вв. до н.э. с Ольвией или ее окрестностями на наиболее близко расположенном к ней отрезке побережья Черного моря, заселенном греческими колонистами³.

Одной из важнейших предпосылок дискуссии об «исторической» интерпретации находок скифского вооружения в Средней Европе является их наличие в поселенческих комплексах, а именно, в остатках пожарищ и горизонтах пользования домов на городище в Смоленицах [51. С. 148; 35. С. 175, 178; 52. С. 217; 53. С. 110; 54. С. 47–48]. Особенно это касается наконечников стрел, которые в данном контексте рассматриваются как элемент вооружения жителей и защитников поселения, а не только – возможных захватчиков. Этот аргумент может быть подкреплён находкой на городище в Смоленицах кадлуба для литья наконечников скифского типа, что могло бы свидетельствовать не только об их использовании, но и их изготовлении автохтонами [56. Рис. 1; 53. С. 110]. Это чрезвычайно важная предпосылка в оценке обсуждаемых процессов, так как популярность вооружения кочевников (преимущественно скифов), особенно лука и стрел, достигла в древнем мире широких масштабов. Это вооружение стало даже синонимом кочевников и, несомненно, перенималось поддерживающими с ними связь сообществами. Однако следует помнить, что существенным моментом дискуссии является не просто заимствование самих стрел, но заимствование сложного лука сигмообразной формы в комплексе со стрелами, а также техники изготовления и ис-

² О существенной роли сигиннов в поддержании трансевропейских сверхдальних торговых связей свидетельствует замечание Геродота (V; 9): «Сигиннами, впрочем, лигий, живущие к северу от Массалии, зовут **мелких торговцев**» (подчеркнуто мной. – Я.Х.); см. также: [4. С. 195].

³ В этом контексте впечатляет факт обнаружения на территории греческой колонии Никоний, у устья Днестра, в слое первой половины – середины V в. до н.э. пинтадеры, типичной для среды культуры Векерзуг [55. С. 57–60]. Не подлежит сомнению, что наиболее удобные пути сообщения между Карпатской котловиной и северо-западным побережьем Черного моря шли именно вдоль Днестра.

¹ Интересно, что фрагменты чешуйчатого доспеха были обнаружены также на территории разрушенного городища в Смоленицах [50. С. 47–56].

кусства стрельбы из лука этого рода. Указанные заимствования, несомненно, ограничивали местные традиции применения определенных категорий вооружения и способов ведения боя. Для Средней Европы позднебронзовой и раннежелезной эпох (как в сообществах культур урновых полей, так и гальштатского круга) это были копье (может, два, например, в гальштатских группировках) и длинный меч, хотя сведения о том, что они знали и применяли лук (скорее всего, простой), также подтверждаются¹. Преодоление всех этих препятствий и традиций, конечно, не было процессом простым и автоматическим и происходило, главным образом, там, где перенимались вышеперечисленные умения целиком, преимущественно на окраинах занимаемой кочевниками зоны, в результате продолжительных связей и «обучения новому», т.е. присвоения чужих культурных образцов. Не представляется возможным, чтобы в ту пору эти процессы имели место в Средней Европе за пределами Карпатской котловины, во всяком случае, на охваченной предполагаемыми скифскими набегами территории. Таким образом, как в Смоленицах, так и в других, подвергшихся нападению захватчиков объектах, наконечники стрел оказались, по-видимому, в пожарах домов в результате их обстрела и разрушения, может быть, поджога и в результате происходящих впоследствии постдепозиционных процессов. Находка кадлуба для литья наконечников именно в Смоленицах, где были найдены их многочисленные экземпляры, является, прежде всего, доказательством интенсивности боевых действий и приложенных для захвата сильно укрепленной крепости усилий. Число находок наконечников стрел, потерянных захватчиками, указывает на то, что, возможно, они были вынуждены пополнить запас стрел в колчанах (обычно около 60–100 стрел) сразу после прекращения битвы².

В поисках историко-археологического контекста в свете анализируемых событий [52. С. 203–237; 53. С. 114] из множества информации стоит привести стратиграфическую ситуацию, обнаруженную во время недавних археологических исследований на территории Кракова. При раскопках в 2012 г. на территории возведенного в 40–50-е гг. XIII в. доминиканского монастыря обнаружен горизонт пожаров (точно датированный при помощи археологических определителей вто-

рой четвертью XIII в.) с тремя монгольскими наконечниками стрел [57]. Анализ наслоений и стратиграфический контекст показывает, что внезапному разрушению (сожжению) подверглось предместье – поселок немецких колонистов, расположенное к северу от краковского городища, называемого Окул/Okół. Трудно вообразить себе факт, чтоб его жители могли пользоваться луком и стрелами с монгольскими наконечниками. Несомненно, здесь мы имеем дело с археологической «записью» трагического эпизода разрушения Кракова монголами во время нашествия в 1241 г. [58. С. 19]³. Археологические следы этого эпизода, равно как и других монгольских/татарских нашествий, затронувших польские земли в XIII в. (например, в 1259/60 и 1287/88 гг.), чрезвычайно скромные. Они ограничиваются горизонтами пожаров на разрушенных монголами территориях городов и городищ, а также находками незначительных военных принадлежностей, особенно характерных для захватчиков наконечников стрел [58. С. 74–89, 112]⁴. Военные и политические, а в особенности культурные, последствия, проявляющиеся, прежде всего, в сфере общественной психологии (психоз страха, культурный шок, апокалиптические настроения, невротическая религиозность) как на территориях Польши и Венгрии, прямым образом затронутых нашествием [58. С. 26–27], так и во всей Европе [59. С. 50–64], имели драматический характер. Культурная память об этих событиях жива в Кракове и по сей день. Она вписана в традицию хейнала, исполняемого на трубе ежедневно караульщиком-сигнальщиком с высокой башни Марицкого костела. Внезапно прерванная мелодия хейнала должна напоминать о неоконченном сигнале тревоги средневекового трубача, сраженного монгольской стрелой. Память проявляется также в ежегодном народном спектакле, имеющем древние, но трудно датированные корни с участием так называемого Лбайконика/Lajkonik, который с XIX в. на основе древней традиции считается олицетворением монгольского воина-всадника. Сила культурной памяти, проявляющейся в яркости этнографического ритуала, здесь значительно сильнее традиционной исторической памяти, не упоминая уже об археологиче-

³ Городище на Вавеле и обнесенная валом часть города, именуемая Околом, однако же, захватчиками завоеваны не были, но 31 марта 1241 г. (в Пасху) они подожгли предместья города [58. С. 19].

⁴ Они составляют 92 % (!) всех находок, связанных с монгольскими (татарскими) захватчиками. К другой, значительно меньшей группе, принадлежат предметы конского снаряжения и принадлежности для верховой езды [58. С. 112]. Характерен также археологический контекст этих находок, поскольку в большинстве своем происходят они из городищ и иных укрепленных мест [58. С. 95, 113].

¹ Лук и стрелы (равно как и соответствующие формы древкового оружия типа короткого копья) могли иметь большее значение в технике охотничьего промысла, нежели в технике и тактике ведения боя.

² Возможно, кадлуб для стрел входил в состав снаряжения кого-либо из захватчиков и был просто потерян в пылу боя или после него.

ской «записи». Подтверждают это констатации, что военные эпизоды, связанные с экспансивностью кочевников, находят слабое (как правило) отражение в структуре археологических источников [60. С. 163; 53. С. 107]. Это не значит, что за невыразительными предпосылками порою не могут скрываться реальные события и исторические процессы. Характерно, что территориальный охват и интенсивность находок, представляющих собой археологическую «запись» монгольского нашествия на территорию Средней Европы, значительно скуднее, чем оно освещено в исторических источниках [58. Рис. 51]. Переиначивая это утверждение, можно поставить риторический (?) вопрос: какое отношение имеют столь ярко выраженные и значимые по количественному составу следы скифского военного проникновения на данные территории к реальному масштабу и значению этого исторического эпизода?

Археологическую картину нашествия монголов в Среднюю Европу также сближает со следами скифского проникновения отсутствие погребений захватчиков на территориях военных действий. За пределами Карпатской котловины, куда совершали набеги орды с вооружением скифского типа, отсутствуют могильные комплексы, которым можно было бы приписать скифский культурный характер (не упоминая об этническом). Причины такого положения вещей следует усматривать, скорее, не в сфере фактографии и специфики исторического процесса, а в сфере религиозно-обрядовых факторов. Не подлежит сомнению, что встречаемые на этих территориях погребения со скифскими элементами в погребальном инвентаре можно отнести только к местному населению. Они фактически являются проявлением диалога и культурного трансфера, явления, наблюдаемого во всей огромной зоне окраин степных и лесостепных территорий Восточной Европы, от верхнего бассейна Дона, Полесья, верхнего бассейна р. Вислы и Сана до окружения Восточных Альп. Уровень восприятия скифских культурных образцов здесь сильно между собой отличается и зависит, скорее всего, от сплетения социокультурных факторов, важным аспектом которых, наряду с уровнем изоляции, интенсивности экономических связей и т.д., была активность местной знати, по своей природе более открытой и готовой к усвоению привлекательных в культурном отношении новшеств.

На территориях, находящихся под скифским военным влиянием в Средней Европе и на окраинах этой зоны, могильные комплексы (как правило, с обрядом трупосожжения, типичного для местной традиции культур урновых полей), содер-

жащие предметы скифского происхождения, очень, однако, неоднородны. Некоторые из них, например погребение из Тштиницы Вольской/Trzcinica Wołowska в Средней Силезии [61. С. 169–172. Рис. 2/ 4] с подплавленным наконечником скифского типа, нужно считать погребением человека по обряду трупосожжения, который погиб (либо был ранен), пронзенный стрелой. Типичная для наконечников из разрушенных поселений форма полностью подтверждает данную интерпретацию. Более поздние находки такого типа известны также в Карпатской котловине, например, гальштатское (?) захоронение с ингумацией из местности Нове Кошариска / Nové Košariská с наконечником, торчащим в кости ноги [62. С. 103. Табл. XLII/ 4], либо могила № 80 с ингумацией из могильника Хотин / Chotin I-B с двумя наконечниками, торчащими в шейных позвонках [63, С. 92. Табл. LIX/ 29–30], однако их трудно принять за проявления культурного трансфера. Некоторые из комплексов, например могила из села Брожек/Brožek близ Вицины [37. С. 36–40. Табл. 1/ 5; 52. С. 215] с зооморфной пряжкой-пронизкой (хронологически относящейся к горизонту разрушенных поселений), могут содержать завоеванные в битвах либо случайно приобретенные (найденные на поле битвы) трофеи – привлекательные, быть может, из престижных или магических соображений. С точки зрения хронологии опорнотульчатые, «базистые» наконечники стрел из погребальных комплексов на этих территориях, аналоги которых встречались зачастую только в комплексах культуры Векерзуг, имеют более поздние формы, чем находки из разрушенных городищ [64. С. 25]. Их наличие в местных погребальных комплексах имеет определенно иной характер, нежели в скифской культуре, трансильванской и западно-подольской группах, а также, хоть и с некоторыми оговорками, в культуре Векерзуг. Это не наборы из положенных в могилу колчанов, а чаще всего отдельные экземпляры либо подборка из нескольких (2–3) штук. Отсутствуют здесь иные находки, например конструктивные элементы колчанов/саадаков¹, не говоря уже о луках, которые подтверждали бы знакомство автохтонов с искусством стрельбы из кочевнического композитного лука. Такая структура местного средневропейского могильного инвентаря с предметами вооружения (особенно наконечниками стрел) скифского типа не доказывает, что автохтоны знали и владели скифским луком, во всяком случае, не в таком масштабе, как это представляется в контексте находок из Смолениц. Их наличие является, несомненно, результатом культурного трансфера и вписывается в поведение, но-

¹ Кроме могилы так называемого лучника из местности Либна/Libna в Словении [65].

сящее символический и престижный характер. Между ними и реальным владением ассортиментом вооружения и техникой боя, заимствованной у кочевников, нет никакой связи.

Широко постулируемый в контексте анализа исторических процессов примат исторических источников (то есть письменных сведений) над археологическими, не подлежит дискуссии. Но это не может быть парадигмой, несправедливо ограничивающей исследовательскую рефлексию, хотя бы из соображений неоднозначности или порою выборочности исторического повествования в отношении протоисторического времени¹. Отмеченное в контексте обсуждаемой проблематики [66. С. 244–245; 52. С. 210] отсутствие сведений в письменных источниках о западном направлении скифской экспансии не до конца учитывает исторический контекст и объективные условия возникновения таких источников². Так как географические знания античных авторов (греков) не распространялись на обсуждаемую нами территорию, приведение этих эпизодов было объективно невозможно. Вернее всего свидетельствует об этом помещенное в «Истории» Геродота (IV; 48–49) описание Истра (Дуная) и его притоков, в котором, кроме упомянутого описания сигиннов (V; 9) и загадочного упоминания о кельтах (IV; 49), нет конкретных сведений, касающихся данных территорий. Вместе с тем нельзя целиком проигнорировать неоднократно обсуждаемое в литературе утверждение [67. С. 295–297; 20. С. 42], что археологическая картина наличия наконечников стрел скифского типа в горизонтах разрушенных оборонительных поселений на территории Средней Европы, в принципе, аналогична подобным наход-

кам из Закавказья и Передней Азии [68. С. 151–153], включенных в исторически подтвержденную экспансию скифов. Следовательно, нельзя в этом контексте относиться к среднеевропейским землям как к зоне, находящейся в ту пору «вне истории», учитывая хотя бы наследие экспансивности захватчиков, носившей все признаки военной стратегии кочевников. Неразрешимой – на нынешней стадии исследований – остается проблема, были ли (возможными) агрессорами «этнические» или все же «культурные» скифы. Проблема этнической принадлежности агрессивных кочевнических орд, образующихся зачастую в условиях «исторической случайности» [58. С. 12], неоднократно ускользала от внимания авторов даже достоверных на вид письменных источников. Для того чтобы понять и попытаться объяснить исследуемый исторический эпизод, важно не только определить рубежи своеобразной «информационной ценности» письменных источников, но и принять во внимание их полный смысловой контекст, включая также всестороннее значение совпадающих в хронологическом и территориальном отношении археологических фактов. Итак, условием «исторического» заключения является тщательная и всесторонняя оценка контекста, исчерпывающие процедуры оценки археологического источника, и особенно, возможные условия и обстоятельства преобразования живой социокультурной действительности в действительность археологическую. Отсутствие либо недостаток письменных источников не может быть ограничением в воссоздании исторической картины социокультурных процессов.

На периферии обсуждаемых методологических спорных вопросов появляется искушение своеобразного эксперимента, заключающегося в превращении известного в полном контексте исторического эпизода в не совсем известную форму археологического источника. В южной Польше в предгорной местности Лужна/Łużna, на окраинах горного массива Низкие Бескиды, находится гармонично вписанный в пейзаж неоготический костёл, характерным фоном для которого является близлежащий холм, именуемый Пустки/Pustki. Эту обыденность известного мне с детства храма нарушает лишь один примечательный элемент: в верхней части одной из двух острокопанных башен, торчит мощный артиллерийский снаряд. Терзающее меня любопытство о происхождении снаряда было рано удовлетворено рассказами (разной степени вероятности) о большой и имеющей трагические последствия битве, которая разыгралась здесь во время Первой мировой войны. Была она для местного населения, особенно

¹ Исторические сведения могут представлять «официальную» версию событий или повествование (как преднамеренное, так и непреднамеренное) субъективное, но все-таки «объективированное» – в обыденном понимании – самим характером источника, в котором способ фиксации (письменный), настоящие либо мнимые очевидцы излагаемого опыта/наблюдения и т.д. – все-таки объективирует его в оценке «получателя». Между тем археологические источники, «немые» по природе, хоть и подвергаются «деформации» вследствие воздействия тафономических процессов, сохраняют все-таки отраженную в материальной структуре действительную проекцию некоего древнего социокультурного поведения (например, характер поселенческой сети, формы погребального обычая и т.д.). Проблемой, однако, является процесс субъективизации «материальных» (и только в этом отношении объективных) сведений на этапе исследовательского процесса, как археологического, так и интерпретационного.

² Косвенно, однако, западное направление политического давления скифов (военного, по всей видимости), подтверждается также в «Истории» однозначными сведениями о вражде между скифами и агафирсами (Геродот IV; 78, 119–120). Независимо от споров, касающихся детального определения местонахождения агафирсов [44. С. 139–173; 43. С. 473–482], не подлежит сомнению тот факт, что занимали они тогда территорию, простирающуюся к западу от Скифии либо снаружи дуги Карпатских гор, или же где-то у источников реки «Марис» (Муреш/Марош) в Трансильвании.

для людей старшего поколения¹, важной исторической гранью, означающей, в частности, военную разруху, потерю нажитого имущества, трагические последствия военных действий. На страницах всемирной истории она запечатлена как Горлицкое сражение, один из ключевых моментов – срыв в мае 1915 г. австро-венгерскими и немецкими войсками наступления русской армии, целью которого был переход через Карпаты и проникновение на территорию Венгерской низменности [69. С. 49]. К важнейшим эпизодам этого сражения относится атака и захват 1 мая 1915 г. VI Австро-венгерским корпусом, а именно 12 Пехотной дивизией и 39 Пехотной дивизией Гонведа, вышеупомянутого холма Пустки [69. С. 91–95]. Торчащий в башне чудом уцелевшего костёла снаряд является результатом часовой (между 9⁰⁰ и 10⁰⁰) артиллерийской бомбардировки австрийцев, использовавших даже 305-миллиметровые гаубицы. В память о событии над порталом храма был закреплён ещё один артиллерийский снаряд как своеобразное «votum i memento». Кстати, драматизм этих событий в народных преданиях трогательнее, эмоциональнее (и фактически нереальнее) сухого исторического повествования. Заметным по сей день и сжившимся с пейзажем материальным контекстом данного этапа военных действий являются, в частности, линии траншей, полных разыскиваемых нами бесценных трофеев, а главное снарядов, и многочисленные (заботливо обустроенные еще австро-венгерской администрацией) кладбища, на которых покоятся павшие в сражении солдаты различных народностей: русские, австрийцы, венгры, немцы и сражавшиеся по обе стороны поляки. Эта картина прочно запечатленного в материальной форме исторического эпизода, вероятно, надолго останется без изменений, и все же напрашивается провокационный вопрос: какая к найденным среди кирпичных руин костёла артиллерийским снарядам будет применена интерпретация по истечении, скажем, нескольких тысячелетий и после частичной или полной потери исторической памяти. Будут ли склоняться к извлечению, например, символического смысла из самого факта наличия снарядов (используемых, допустим, местным населением?) среди руин костёла, или же...?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Trachsel M.* Untersuchungen zur relative und absoluten Chronologie der Hallstattzeit // *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*. Bonn, 2004. T. 104.
2. *Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków, 1993.
3. *Bökönyi S.* Angaben zur Kenntnis der eisenzeitlichen Pferde in Mittel- und Osteuropa // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964. T. XVI. C. 227–239.
4. *Chochorowski J.* Rola Sigynnow Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej // *Przegląd Archeologiczny*. 1987. T. 34. C. 161–218.
5. *Chochorowski J.* Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. Ed.: B. Hänsel, J. Machnik. München: Rahden/Westf., 1998. C. 473–491.
6. *Брусяко И.В.* Ранние кочевники в Европе X–V вв. до н.э. // *Кишинев*, 2005.
7. *Vasiliev V.* Sciții Agatirși pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980.
8. *Vasiliev V., Badea A., Man I.* Două noi morminte scitice descoperite la Teiuș // *Sargetia*, 1973. T. X. C. 27–43.
9. *Sulimirski T.* Scytowie na zachodnim Podolu. Lwów, 1936.
10. *Smirnova G.I.* Die Ostkarpatenregion zur Vorskythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. Ed.: B. Hänsel, J. Machnik. München: Rahden/Westf., 1998. S. 451–465.
11. *Смирнова Г.И.* Грунтовые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или новации // *Давна і Середньовічна Історія України (історико-археологічний збірник)*. Кам'янець Подільський, 2000. С. 80–93.
12. *Смирнова Г.И.* Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // *Российская археология*. 1993. 2. С. 101–118.
13. *Chochorowski J.* Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Warszawa; Kraków, 1985.
14. *Párducz M.* Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1952. T. II. P. 143–172.
15. *Bökönyi S.* Les chevaux scythiques du cimetière de Szentes-Vekerzug // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1952. T. II. P. 173–183.
16. *Chochorowski J.* Die Rolle der Vekerzug-Kultur im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa // *Prähistorische Zeitschrift*. 1985. T. 60/2. C. 204–271.
17. *Teržan B.* Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. Ed.: B. Hänsel, J. Machnik. München: Rahden/Westf., 1998. C. 511–560.
18. *Хохоровски Я.* Скифские набеги на территорию Средней Европы // *Российская археология*. 1994. 3. С. 49–64.
19. *Jahn M.* Die Skythen in Schlesien // *Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift – Neue Folge*. 1928. T. IX. S. 11–25.
20. *Hellmuth A.* Zum Untergang der hallstattzeitlichen befestigten Höhensiedlungen von Smolenice-Molpirinder Südwestslowakei // *Mitteilungender Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. 2006. T. 27. C. 41–56.
21. *Dušek M., Dušek S.* Smolenice-Molpír. Befestigter Fürstensitz der Hallstattzeit. T. I. Nitra, 1984.
22. *Deleka J.* Badania na grodzisku “łużyckim” z wczesnej epoki żelaznej w Kamieńcu nad Wisłą w pow. Toruńskim // *Z Otchłani Wieków*. 1937. T. XII/1–2. S. 123–125.
23. *Zielonka B.* Materiały z osiedla obronnego kultury łużyckiej w miejscowości Kamieniec, pow. Toruń // *Wiadomości Archeologiczne*. 1955. T. XXII/1. S. 158–174.
24. *Chmielewska M.* Łużyckie i scytyjskie zabytki znalezione w schronisku skalnym w miejscowości Rzędkowice, pow. Zawiercie // *Wiadomości Archeologiczne*. 1956. T. XXIII/1. S. 81–90.

¹ Ныне память о данном явлении среди местного населения подерживается, прежде всего, официальными, связанными с годовщинами и т.д., торжествами.

25. *Hellmuth A.* Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpír // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. T. 128. Bonn, 2006. S. 7–169 + Табл. 1–34.
26. *Kolodziejski A.* Najeżdźcy zjawili się jesienią // *Z Otchłani Wieków*. 1970. T. XXXVI/1. S. 5–10.
27. *Michalak A., Jaszewska A.* Katalog zabytków metalowych // *Wicina. Katalog zabytków metalowych*. Zielona Góra, 2011. S. 55–306.
28. *Furtwängler A.* Der Goldfund von Vetersfelde // *Programm zum Winkemannsfeste der Archäologischen Gesellschaft*. № 43. Berlin, 1883.
29. *Gedl M.* Cmentarzysko halszackie w Kietrzy pow. Głubczyce // Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.
30. *Mierzwiński A.* Przemiany osadnicze społeczności kultury łużyckiej na Śląsku. Wrocław, 1994.
31. *Chochorowski J.* Ze studiów nad okresem halszackim na ziemiach polskich // *Archeologia Polski*. 1978. T. XXIII/2. S. 355–375.
32. *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // *Археология СССР. Свод археологических источников*. Вып. Д 1–4. М., 1964.
33. *Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // *Скифия и Кавказ*. Киев, 1980. С. 31–63.
34. *Полін С.В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // *Археологія*. 1987. Т. 59. С. 17–36.
35. *Parzinger H., Stegmann-Rajtár S.* Smolenice-Molpír und der Beginn skythischer Sachkultur in der Südwestslowakei // *Præhistorische Zeitschrift*. 1988. T. 63/2. S. 162–178.
36. *Woźniak Z.* Kontakty mieszkańców ziem polskich ze światem celtyckim u schyłku okresu halszackiego i we wczesnym okresie lateńskim // *Przegląd Archeologiczny*. 2010. T. 58. S. 39–104.
37. *Bukowski Z.* The scythian influence in the area of lusatian culture, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977.
38. *Kossack G.* Der Bronzehort von Wicina [Witzen] und seine Stellung im Kultursystem der frühen Eisenzeit // *Folia Præhistorica Posnaniensia*. 1987. T. III. S. 107–134.
39. *Алексеев А.Ю.* Хронология и хронография причерноморской Скифии V в. до н. э. // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1991. Т. 31. С. 43–56.
40. *Schuchhardt K.* Vorgeschichte von Deutschland. Berlin, 1928.
41. *Мелюкова А.И.* К вопросу о восточноевропейских кочевниках на территории Европы в начале железного века // *Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. М.*, 1999. С. 87–91.
42. *Кузнецова Е.М.* Солохский могильник в контексте скифской хронологии // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków, 2012. S. 467–473.
43. *Vulpe A.* Die Agathyrser. Eine zusammenfassende Darstellung // *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Ed. J. Chochorowski. Kraków, 2004. S. 473–482.
44. *Chochorowski J.* Zur Bestimmung des Siedlungsraumes und des Ursprungs von Agathyrser // *Acta Archaeologica Carpathica*. 1987. T. XXVI. S. 139–173.
45. *Смирнова Г.И.* Курганы у села Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на среднем Днестре // *Труды Государственного Эрмитажа*. 1979. Т. XX. С. 37–67.
46. *Párducz M.* Early Scythian Age grave at Ártánd // *Inventaria Archaeologica Ungarn* 3. Bonn, 1971.
47. *Fettich N. A.* Tápiószentmártoni aranyszarvas // *Archaeologiai Értesítő*. 1927. T. 41. S. 138–145, 312–318.
48. *Fettich N. A.* zöldhalompusztai szkíta lelet // *Archaeologia Hungarica*. T. 3. Budapest, 1928.
49. *Kossack G.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // *Skythika*. München, 1988. S. 25–86.
50. *Čambal R.* Súčasť ochrannej šupinovej zbroje zo Smolenice-Molpíra // *Zborník Slovenského Národného Múzea*. 2007. T. CI. S. 47–56.
51. *Dušek M.* Der junghallstattzeitliche Fürstensitz auf dem Molpír bei Smolenice // *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa*. Bratislava, 1974. S. 137–150.
52. *Parzinger H.* Vetersfelde – Mundolsheim – Aspres-lès-Corps. Gedanken zu einem skythischen Fund im Lichte vergleichender Archäologie // *Kulturen zwischen Ost und West. Das Ost-West-Verhältnis in vor- und frühgeschichtlicher Zeit und sein Einflauf Werden und Wandel des Kulturraums Mitteleuropa*. Berlin, 1993. S. 203–237.
53. *Парцингер Г.* Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // *Вестник Древней Истории*. 1998. Т. 2. С. 104–114.
54. *Stegmann-Rajtár S.* Bronzové hroty šípovzdobyhalštatskejzhradiska Žibrica // *Študijné Zvesti Archeologického Ústavu. SAV*. T. 35. 202. S. 45–52.
55. *Брюкко И.В.* Пинтадера из Никония // *Древнее Причерноморье*. Одесса, 1993. С. 67–60.
56. *Novák P.* Částbronzoé kokilynaodlévání hrotů šípů // *Archeologické rozhledy*. T. XLV. 1993/1. S. 133–135.
57. *Bojęś-Białasik A., Niemiec D.* Kościół i klasztor dominikanów w Krakowie w świetle badań archeologiczno-architektonicznych w latach 2010–2012 // *Sztuka w kręgu krakowskich dominikanów*. Ed. A. Markiewicz, M. Walczak, M., Szyska. Kraków, 2012 (в печати).
58. *Świetosławski W.* Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w. Łódź, 1997.
59. *Strzelczyk J.* Mongołowie a Europa. Stolica Apostolska wobec problemu mongolskiego do połowy XIII wieku // *Spotkanie dwóch światów. Stolica Apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku*. Ed. J. Strzelczyk. Poznań, 1993. S. 7–112.
60. *Chochorowski J.* Bemerkungen über die Chronologie der Pfeilspitzen skythischen Typs im Nordteil von Mitteleuropa // *Prace Archeologiczne*. 1974. T. 18. S. 161–182.
61. *Galuszka A.* Grocik typu scytyjskiego na tle cmentarzyska kultury łużyckiej w Trzcinicy Wołowskiej, pow. Wołów // *Archeologia Śląska*. 1957. T. I. S. 167–172.
62. *Pichlerová M.* Nové Košariská. Kniežacie mohly zo staršej doby železnej. Bratislava, 1969.
63. *Dušek M.* Thrakisches Gräberfeld der Hallstattzeit in Chotín, Bratislava, 1966.
64. *Мелюкова А.И.* По поводу скифских походов на территорию Средней Европы // *Древности скифской эпохи*. М., 2006. С. 25–40.
65. *Stare F.* Kipeć ilirskiego bojownika z Vač // *Archeološki Vestnik*. 1962–1963. T. XIII–XIV. S. 383–434.
66. *Мелюкова А.И.* К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы // *СА*. 1955. Т. XXII. С. 239–253.
67. *Rolle R.* Urartu und die Reiternomaden // *Seaculum*. 1977. T. XXVIII/3. S. 291–339.
68. *Пиотровский Б.Б.* Город бога Тейшебы – последний оплот урартской власти в Закавказье // *Вестник Древней истории*. 1948. Т. 26/4. С. 143–153.
69. *DiNardo R.* Przełom. Bitwa pod Gorlicami – Tarnowem 1915. Poznań, 2012.